

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТΙΑ**

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**
В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ПАДШИЙ

РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство А.П.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1003

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 Падший: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2221-0

В этом мире в чести пар и электричество, наука подменила собой религию, а магия — удел немногочисленных изгоев. Но граница между реальностью и преисподней там чрезвычайно тонка, и адептам научного знания с величайшим трудом удастся сдерживать натиск inferнальных тварей. Электричество сильнее магии, но не всесильно и оно.

Бывший детектив-констебль сыскальной полиции метрополии Леопольд Орсо — сиятельный. От своих предков он унаследовал мрачный талант воплощать силой воображения чужие страхи и фобии. Справиться с собственными кошмарами оказалось далеко не просто, а когда Леопольд все же освободился от них, кто-то хитрый и могущественный втянул его в опасную игру, где марионетку не отличить от кукловода. Выигрыш не предусмотрен, поражение обернется падением в бездны ада. Бежать? Увы, слишком искусно сплетен силок...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2221-0

Небо! Закрыто для неудачников!
Группа «Стимфония». Голем

*ПРОЛОГ,
или
ДИРИЖАБЛЬ И НЕМНОГО ОГНЯ*

Дым и зеркала — лучшие помощники иллюзиониста. Именно они, а отнюдь не запретная магия и не отринутое просвещенным обществом волшебство помогают фокусникам перекраивать реальность, заставляя зрителей поверить в несуществующие образы. Но дым и зеркала — простые инструменты, они лишь создают нужную атмосферу и дают почтенной публике повод задействовать собственное воображение.

Да! Все дело в нашем воображении. Именно способность сознания домысливать и достраивать окружающую действительность позволяет иллюзионистам увлекать зевак и морочить им голову. Ведь зачастую мы и сами рады обмануться, приняв желаемое за действительное...

Девушка в бесстыдно-коротком хитоне выше колен, стройная и рыжеволосая, кружилась в безмолвном танце на фоне серого неба. Неподалеку волновалось море; я даже чувствовал его солоноватый вкус, но ни блеск солнца на ряби волн, ни мрамор античных развалин не трогали меня — все внимание приковала к себе танцовщица.

Странный танец горячил кровь; девушка изгибалась, будто дрожащее на ветру деревце, иногда в притворном падении она наклонялась к земле, но сразу выпрямлялась, не давая повода прийти на помощь. Раз за разом я не получал возможности проявить себя, и это рвало мое измученное сердце на куски.

Неровные движения танцовщицы гипнотизировали и сводили с ума; я бы давно потерял над собой контроль, если

бы не навалившаяся ватным одеялом тишина. Уши словно залепили восковыми пробками: не играла музыка, не шумел ветер, не плескалась о прибрежный камень волна. Лишь доносился из неведомого далека, будто из другого мира, непонятный размеренный стрекот.

Один только стрекот, стрекот, стрекот. А еще — запах гари.

Дым и зеркала...

Едкий дым вызвал кашель, пальцы судорожно сжались, и тотчас хрупким стеклянным крошевом лопнул бокал, расплескался лимонад. Я подался вперед и вывалился из кресла на толстый персидский ковер. Без сил распластался на нем, уловил сотрясающую пол дрожь и лишь тогда вспомнил, кто я и где нахожусь.

Я Леопольд Орсо, виконт Крус, сиятельный. И сейчас я валяюсь посреди кают-компания собственного дирижабля, будто надыхавшийся первосортной дряни опиумный курильщик.

Дым и зеркала? Проклятье!

Дым клубился под потолком, но внизу еще хватало свежего воздуха, и мне удалось немного отдышаться и прогнать затуманивший голову дурман.

Хрипло выдохнув, я смахнул выступившие на глазах слезы и перепачкал чем-то липким лицо. Кровь. Это была кровь. Порезы, оставленные лопнувшим стаканом на ладони, уже затянулись и пропали без следа, а кровь так быстро засохнуть не успела.

Плевать! Я приподнялся на локте и осмотрелся. Дыма в кают-компания было хоть отбавляй. Дыма, но никак не зеркала. Вместо коварных отражений на полотняном экране у дальней стены под размеренный стрекот проектора кружилось безмолвное изображение Айседоры Дункан — танцовщицы, ничуть не похожей на рыжеволосую девушку из моего видения.

Стоило лишь взглянуть на экран, и до меня вновь донеслись отголоски далекой мелодии. Сила воображения и талант сиятельного наполнили черно-белое изображение яркими цветами, придали ему глубину, поманили запретной притягательностью миража. Только закрой глаза — и окаже-

шья на берегу далекого моря, подхватишь на руки любимую, прижмешь к себе. И останешься там навсегда...

К черту! Не хочу жить иллюзиями!

Дьявол бы побрал этот клятый синематограф и дурманящий разум дым!

Скрипнув зубами от накотившей вдруг злости, я собрался с силами и поднялся на четвереньки, но не удержался и вновь повалился на пол. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью, до выхода из кают-компания пришлось ползти ползком.

В коридоре я кое-как поднялся по стенке, локтем высадил один из иллюминаторов, и внутрь тут же ворвался поток свежего воздуха, будто ледяной водой окатило. Стало легче дышать, вернулась ясность сознания.

Какого черта тут творится?! Куда сгнули капитан, навигатор и стюард? Почему команда не тушит возгорание? Или задымление вызвано не пожаром, а технической неисправностью?

Я прикрыл лицо полкой пиджака и побрел к капитанской рубке, то и дело опираясь на переборки и останавливаясь перевести дух. Ноги по-прежнему слушались плохо, а в лицо все явственней веяло жаром, но отступать было некуда. Теперь только вперед, только вперед...

А впереди разверзлось огненное пекло. Чтобы понять это, хватило единственного взгляда в приоткрытую дверь командной рубки.

Пламенем была охвачена большая часть помещения, к едкому запаху паленой резины добавилась мерзкая вонь горелого мяса. Навигатор навалился грудью на приборную панель, да так и замер, объятый огнем, капитан безжизненно откинулся в кресле и не шевелился. Он тоже был мертв.

Вот дерьмо!

Внезапно резкий порыв сквозняка бросил в лицо длинный язык пламени, затрещали опаленные волосы; я отшатнулся и увидел, что дым выносит в распахнутую настежь дверь гондолы. И распахнулась та вовсе не сама по себе...

— Стой! — рявкнул я, но последний из команды дирижабля — стюард уже шагнул наружу и скрылся из виду. За его спиной нелепым горбом бугрился объемный ранец.

Мне не удалось удержаться от крепкого словца:
— Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Загудело раздуваемое сквозняком пламя, и я бросился к двери. Захлопнул ее и сразу поспешил в кладовую, где хранились выписанные из российской провинции Александром Дьяком экспериментальные парашюты Котельникова, но меня ждало жестокое разочарование: все шелковые купола оказались вытащены из ранцев и порезаны ножом.

Стюард, сволочь такая! Оставил сгорать заживо!

Я не стал гадать, по какой причине он обрек меня на верную смерть, и вернулся к внешней двери. Там нацепил на нос очки с круглыми затемненными линзами и потянулся к своему таланту сиятельного. Умение воплощать чужие страхи не способно придать человеку крылья, как воображение не в состоянии погасить пожар, но я и не собирался превозмогать силу всемирного тяготения или останавливать физико-химический процесс, именуемый горением. Мне просто требовалось преодолеть собственный страх — страх падения, страх высоты. Это было и просто, и невероятно сложно одновременно.

Готовясь к неизбежному, я разложил вытащенный из кармана нож, зажал в зубах титановый клинок и открыл дверь гондолы. Внизу, далеко-далеко, мелькнули горная гряда и голубовато-серое зеркало озера. Накатила неуверенность, подогнулись колени. Но я переборол секундную слабость и прыгнул вдогонку за стюардом.

Наружу. Без парашюта. В свободное падение.

Впрочем, падение лишь представлялось свободным. Тут же налетел ветер, рванул расстегнутый пиджак, закрутил в вихре, сорвал с лица очки. Глаза моментально наполнились слезами, но к этому времени я уже разглядел купол парашюта, что распух на фоне горного озера белым пятном.

Растопырив в разные стороны руки и ноги, я сумел остановить вращение и развернулся в сторону зависшего на стропах беглеца. Прижал руки к туловищу, изогнулся, меняя положение в пространстве, и резко пошел вниз, но не камнем, а на манер планера — под углом. Скорость падения резко воз-

росла, ветер засвистел в ушах, обжег лицо холодом и принялся рвать одежду.

Я падал на жертву подобно коршуну, неся, как пущенная в цель стрела. Тело свело судорогой, выдерживать верное направление получалось лишь ценой огромных усилий, но даже так попасть в купол с отверстием посередине не получилось. Сообразив, что зацеплю парашют лишь по касательной, я перехватил рукой зажатый в зубах нож, и меня тотчас закрутило штопором. В следующий миг клинок скользнул по шелку, а я промчался мимо и устремился к земле.

После столкновения с парашютом вращение еще больше усилилось, в какой-то момент меня перевернуло на спину, и над головой мелькнул судорожно дергавший стропы человек. Несколькими резкими взмахами я вернул себе прежнюю устойчивость и расставил в разные стороны руки и ноги подобно воздушным рулям. Свист ветра слегка поутих, падение потеряло недавнюю стремительность, и очень скоро меня обогнал камнем несшийся вниз стюард, за которым тянулось расплосованное ударом ножа полотнище парашюта, обмякшее и спутанное.

— Отправляйся в ад, ублюдок! — выкрикнул я и посмотрел на озеро под собой. Некстати вспомнилось, что при падении с большой высоты вода не уступает по твердости камню, но я выкинул эту научную заумь из головы и заставил себя успокоиться. Страх не осталось; нечего больше было бояться, да и незачем.

Я парил, просто парил в небе, а потом озерная гладь вдруг стремительно понеслась навстречу, и лишь за миг до удара о рябь серой воды в голове оформился подспудно не дававший все это время покоя вопрос: откуда, черт возьми, среди бобин киноплёнки взялась запись танца Айседоры Дункан? Она ведь мне даже никогда не нравилась!

И сразу — удар и тьма...

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
или
Танец со змеями и немного отравы

Времени нет.

Время — фикция, выдумка наивных романтиков и ученых не от мира сего. Именно благодаря им простачки на полном серьезе полагают, будто время — это закольцованный бег стрелок по циферблату часов. Нечто бесконечное, незыблемое и неизменное. Вечное.

Опасное заблуждение.

Никакого времени нет, есть лишь последовательность событий, которая может оборваться в любой миг. Один миг — и то, что выстраивалось годами, развеивается в прах, исчезает, перестает существовать.

Жизнь? И жизнь — тоже. Моя так точно. По крайней мере, жизнь как привычная упорядоченность бытия.

Сидя на каменистом берегу крохотного островка посреди горного озера, я сожалел вовсе не о сгоревшем дирижабле и даже не о несостоявшемся перелете в Новый Свет, нет! Выть в голос хотелось из-за потерянной иллюзии личной безопасности.

Меня пытались убить.

Опять!

Стюрд ведь не рехнулся, не действовал наобум, он все продумал заранее и выждал самый удачный момент. Рухнувший в горах дирижабль — что может быть банальнее? Да и найдут ли обломки вообще? Разве что через несколько лет случайно кто-нибудь наткнется на искореженный при падении остов.

Но почему и зачем? Кому могла понадобиться моя смерть, если для всего мира я и без того давно мертв? Мертв либо

пропал без вести больше года назад. Одно от другого не сильно отличается.

В покушении не было никакого смысла!

По моим следам могли идти обозленные малефики, эта братия возвела мечь в ранг культа, но поджог дирижабля, замаскированный под случайное крушение, не вписывался в их обычный образ действий. Чернокнижники привыкли действовать гораздо более прямолинейно и были в своей прямолинейности чрезвычайно предсказуемы. Они полагались исключительно на магию, подкуп не их стиль. Сделай свой ход они, и стюард облил бы себя керосином и со спокойной улыбкой чиркнул спичкой о боковину коробка, а не пытался удрать.

И в происки имперской разведки я не верил тоже. У людей из окружения кронпринцессы Анны не было никаких причин сомневаться в моей смерти: с вынутым из груди сердцем не выживет никто. После моей пропажи из госпиталя они могли искать похитителей распотрошенного тела, но и только.

Концы с концами не сходились; я оказался в тупике.

Вспомнилась объятая огнем рубка, накатила дрожь. Огонь мог уничтожить большинство inferнальных тварей, оборотни исключением не являлись. Просто повезло, что ускоренный метаболизм вывел из организма яд, прежде чем пожар успел распространиться на кают-компанию.

— Дьявол! — выдохнул я, отыскал среди мелкой гальки плоский камушек и резким движением руки запустил его прыгать по воде.

Так себе развлечение.

Чертовски хотелось есть, но на каменистом островке даже трава не росла. Оставалось лишь хлебать сырую воду.

Не подумайте, будто я провел тут несколько дней. Вовсе нет. Не более получаса назад я рухнул неподалеку отсюда и расшибся о воду. Было больно.

Но та боль — резкая и быстрая — не шла ни в какое сравнение с запредельными муками, когда начали соединяться сломанные кости, срастаться мышцы и сухожилия, возвращаться на свои места выбитые суставы.

Я оборотень, а оборотня не так-то просто прикончить даже падением с километровой высоты, но восстановление организма запустило маховик ускоренного обмена веществ, и мне требовалось срочно подкрепиться.

Подкрепиться? Проклятье! Жрать! Я хотел не есть, а именно жрать. Если прямо сейчас не набью брюхо мясом, сам себя начну переваривать.

И боль... от голода боль в мышцах и суставах становилась еще нестерпимее.

— Драть! — Изо рта невольно вырвалось любимое словечко вымышленного друга, и я понял, что дальше так продолжаться не может. Еще немного — и не поручусь, что сумею сохранить ясность мысли. Голод и боль после обратной трансформации зачастую лишали разума даже куда более опытных оборотней.

Я вспомнил отца. Теперь-то мне стало понятно, каких невероятных усилий ему стоило не превращаться в зверя целиком. Его спасала вера, но возможности человека не безграничны, и, дабы унять боль, папа пил, пил и пил. А потом умер. Если день за днем вливать в себя смертельную для обычного человека дозу алкоголя, не выдержит даже печень оборотня.

От этой мысли стало не по себе.

Я поднялся с камня, взял расплзшийся по швам пиджак и огляделся по сторонам. Кругом — озеро и зеленые силуэты поросших лесом гор. С запада склоны были более крутыми и обрывистыми, в палитре там превалировал серый цвет, а в голубое небо ввинчивался столп черного дыма. Это догорал дирижабль.

По большому счету, от предстоящего заплыва останавливало лишь нежелание окончательно испортить и без того поврежденную падением с высоты одежду. После повторного купания даже самая качественная ткань неминуемо превратится в половую тряпку. В подобном виде и за бродяжничество задержать могут.

Я посмотрел на выловленные из озера лакированные туфли и с обреченным вздохом принялся сворачивать только-только просохший на ярком летнем солнце пиджак.

Не стоило возвращаться в метрополию — сейчас я осознавал это со всей возможной отчетливостью.

Налетел ветерок, и я поежился то ли от прохлады, то ли от неуютной мысли. Скорее все же второе — холодно не было, наоборот, бросило в пот.

Дьявол! Следовало лететь через Англию!

Следовало, да. Но в Лондоне было традиционно неспокойно: власти устраивали облавы на малефиков, масонов и социалистов, профсоюзы выводили рабочих на уличные демонстрации, да еще подливали масла в огонь пытающиеся отстоять независимость ирландцы. Полиция стояла на ушах, а мне вовсе не хотелось привлекать к своей персоне внимание бывших коллег. Пусть выправленный в российской провинции паспорт на новое имя и проходил по всем реестрам, но всегда оставался риск наткнуться на излишне бдительного констебля или того хуже — шпика Третьего департамента.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь опознал во мне Леопольда Орсо, виконта Круса.

Но вот опознали же!

Убить пытались именно Леопольда Орсо, в этом сомнений не было ни малейших. Лев Шатунов, как звали меня после смены документов, ни в чем предосудительном замешан не был. Получив доступ к вкладу, я сразу покинул Цюрих и путешествовал по Старому Свету, нигде подолгу не задерживаясь.

Серьезная неприятность за это время приключилась лишь единожды, да и та — банальней некуда: меня попытались ограбить. Сам виноват, поначалу не догадался оформить чековую книжку и всюду таскал с собой толстенную пачку франков. Грабитель попался ушлый и трусоватый, он попросту всадил мне в спину три пули. Я очнулся, когда жулик уже обчистил карманы и снимал с руки золотой браслет хронометра. Правду говорят, что жадность до добра не доводит. Грабитель позарился на золотую безделушку и в итоге лишился головы. В прямом смысле — мой самоконтроль в то время оставлял желать лучшего.

Но было ли это попыткой ограбления? Или это — звенья одной цепи?

Дьявол, все же стоило лететь через Лондон! И ведь соблазнился же простотой пути!

Через Атлантиду переправиться в Новый Свет и в самом деле проще всего, не требовалось даже делать остановку в Новом Вавилоне. Прямо из Лиссабона я направился на западное побережье острова, где намеревался пополнить запасы перед перелетом через океан.

Я выругался, мотнул головой и осторожно ступил в прозрачную воду. У берега были прекрасно видны сновавшие над галькой рыбешки, дальше в озерной глади отражались горы и небо.

Плыть не хотелось. Хотелось посидеть, собраться с мыслями, подождать неизвестно чего, но голод не унимался и подгонял все сильнее. Голоду вторил здравый смысл. Я отдавал себе отчет в том, что ждать на острове нечего и некого, плыть придется в любом случае. Так какой смысл попусту терять время, отсрочивая неизбежное?

Но как же холодно...

Я вернулся на берег и уже начал расстегивать ремень брюк, как вдруг...

— Из-за острова на стрежень, — хорошо поставленным голосом пропел некто с другой стороны острова, — на простор речной волны...

Затянув ремень, я поспешил вскарабкаться на каменную кручу и шумно выдохнул, не веря собственным глазам.

На фоне серых отрогов далеких гор по зеркалу чистой воды спокойно скользила небольшая прогулочная лодка. Степенный господин средних лет на веслах размеренно греб, угрюмо опустив голову; его компаньон стоял на носу с бутылкой вина в руке и самозабвенно пел высоким басом, скорее подражая Шаляпину, нежели имея такой тембр голоса от природы.

Шанса выбраться с острова, не замочив ног, я упускать не собирался и замахал над головой пиджаком.

— Э-гей! На лодке!

Окрик заставил гребца испуганно вздрогнуть и втянуть в плечи короткую мощную шею, а певец приставил ко лбу ладонь и что-то сказал товарищу. Тот стал работать одним веслом, разворачивая лодку носом к островку.

Я с облегчением перевел дух и принялся разглядывать своих возможных спасителей. На охотников они нисколько

не походили: никаких парусиновых курток, высоких сапог и ружей. Певец в светлом льняном костюме отправился на водную прогулку с непокрытой головой; гребец в визитке и полосатых брюках от традиций отступать не стал и водрузил на макушку канотье. И правильно сделал: в июньский полдень солнце припекает даже в горах. Если вином злоупотреблять, точно на песнопения потянет.

Впрочем, худощавый господин на носу лодки пьяным не казался и легко удерживал равновесие, поглядывая на меня из-под приставленной ко лбу ладони. Русоволосый, с короткой аккуратной бородкой, он мог сойти за преуспевающего адвоката или даже профессора, если б не та самая легкость и даже некоторая резкость в движениях. Показалось почему-то, что к кулачному бою ему не привыкать.

Его спутник был более плотного сложения и веслами работал уверенно и без малейшей натуги. Переходившие в усы кустистые бакенбарды и трубка в зубах делали гребца похожим на капитана дальнего плавания, из образа несколько выбивалась лишь толстая золотая цепь карманных часов. Купец? Очень похоже на то.

— Господа! — повысил я голос, когда лодку отделяло от острова не более десяти метров. — Право слово, неудобно об этом просить, но не окажете ли вы любезность доставить меня до берега? А то вода нынче дюже холодна. Готов сам сесть на весла!

— Вот еще! — пробурчал гребец, нервно ежась.

Его компаньон, словно извиняясь за спутника, благодушно махнул свободной рукой.

— Доставим в лучшем виде, не извольте сомневаться. Ну как не помочь соотечественнику, господин...

— Лев Борисович Шатунов, к вашим услугам, — поспешил я представиться.

— Скорее это мы к вашим, — сварливо заметил гребец.

Певец рассмеялся.

— Не слушайте этого ворчуна, Лев Борисович. Прошу на борт!

— Одну минуту!

Я спустился с кручи, но не к лодке, а на другую сторону, за оставленными на берегу туфлями. Быстро схватил их и по-

спешил обратно, несколько даже опасаясь увидеть по возвращении спасителей уплывающими вдаль.

Но нет, меня дождались. Из-за прибрежных камней гребец не рискнул подводить лодку прямо к острову, и мне пришлось с закатанными штанинами брести к ней по колено в воде. Но это по сравнению с заплывом через все озеро — сущие пустяки.

Певец на носу лодки, нисколько не смущаясь нового попутчика в моем лице, приложился к бутылке вина и сделал добрый глоток.

— Смелее, граф! Нас ждут великие свершения! — объявил он после этого.

Я от такого обращения чуть обратно за борт не вывалился.

— Э-э-э... граф?

Певец закатил глаза и горестно вздохнул, на помощь мне пришел гребец.

— Ну, эта шарада даже мне по плечу, — добродушно усмехнулся он. — Лев — это как Лев Толстой. А кто у нас Лев Толстой? Правильно, граф.

— Но позвольте, — не согласился я, усаживаясь на банку, — почему именно граф, а не писатель?

— Помилуйте, Лев Борисович! — охнул певец. — Ну какой из него писатель? Писатель — это, знаете ли, по велению души, чтоб до полуночи в карты, чтоб за долги главы строчить и жечь их в пьяном угаре. А граф Толстой — он и есть граф. Я бы даже сказал: графоман-с. Так-то вот.

— Не буду спорить, — хмыкнул я, кинул туфли на прикрывавшую дно деревянную решетку и принялся раскатывать штанины.

— С твоими шарадами мы совсем забыли о приличиях, — проворчал гребец, начав отворачивать лодку от острова. — Позвольте представиться: Емельян Никифорович Красин.

— Иван Прохорович Соколов, — присоединился к товарищу певец и понимающе улыбнулся: — Граф, полагаю, нам не стоит интересоваться обстоятельствами вашего появления на этом клочке необитаемой земли?

— Очень обяжете, — вздохнул я, не желая выдумывать никакой правдоподобной лжи.

— От вас ждем того же, — проворчал Емельян Никифорович.

— Вот я раззява! — хлопнул вдруг себя ладонью по лбу Соколов. — Да вы же не просто граф, а граф Монте-Кристо!

— Все, поезд ушел, — благодушно рассмеялся Красин.

— Как только мог упустить из виду остров? — продолжал сокрушаться Иван Прохорович. — Эх, старею, старею...

Налетел порыв ветра, лодку качнуло, и меня уколол легкий отголосок чужого страха. Но чужие страхи сейчас мало занимали меня; я как замороженный смотрел на корзинку для пикника, от которой исходил одуряющий запах свежей стряпни, и глотал слюну.

Оборотня проймет лишь серебро и электричество, но помимо этого над перевертышами, подобно дамоклову мечу, висят боль и голод. Боль при возвращении в человеческое обличье и нестерпимое желание набить живот всякий раз, когда организму требуется восстановить силы после обращения или исцеления.

Я был дьявольски голоден, и аромат свежей сдобы и мясного пирога просто сводил с ума. К счастью, Соколов перехватил мой взгляд и предложил:

— Угощайтесь, Лев Борисович. Да и вина испить не откажите.

— Вино на эдаком солнцепеке — это лишнее, Иван Прохорович, — отказался я от выпивки, переставив корзинку себе на колени. — Но не сомневайтесь, я компенсирую все издержки.

При падении бумажник не вылетел из кармана, и хоть банкноты за время нахождения в воде изрядно размокли, в полную негодность они прийти не успели. С учетом монет у меня набиралось без малого полсотни франков, чего хватало и на обед для трех персон, и на починку одежды. Но вот дальше...

Дальше была полная неопределенность.

— Ну как вам не совестно, Лев Борисович! — укорил меня Соколов. — Помогать попавшим в трудное положение соотечественникам — долг каждого приличного человека.

Оставалось лишь порадоваться тому, что дед выучил меня родному языку, сносно владевший русским отец не дал его

позабить, а после бегства из метрополии прошло достаточно времени, дабы закрыть лингвистические лакуны и выдавать себя за уроженца российской провинции без риска немедленного разоблачения. Акцент? Акцент — обычное дело для живущих на чужбине людей.

Я раскрыл корзинку для пикника и едва не захлебнулся слюной. Но все же приступить к трапезе не стал и поинтересовался у своих спасителей:

— Не желаете присоединиться?

Дородный гребец побледнел и поспешно отвернулся, а Соколов вновь улыбнулся.

— Емельян Никифорович, увы, не лучшим образом чувствует себя на воде. У него нет аппетита, — сообщил он и взглянул на бутылку в руке. — А я, пожалуй, ограничусь вином. Мадера восхитительна и прелестно самодостаточна!

— Развезет вас, Иван Прохорович, на эдакой жаре, — проворчал Красин, уверенно работая веслами.

Певец начал весьма пространно отвечать, но я уже не слушал его, опустошая корзинку для пикника. В итоге мясной пирог и расстегай с рыбой, кусок сыра и колечко кровяной колбасы, сдобная булка и два яблока умерили мой голод, но окончательно не насытили. Хотелось чего-нибудь горячего. Желательно — первого, второго и еще десерта. И непременно крепкого сладкого чаю.

Ну а пока я перегнулся через борт, зачерпнул пригоршню воды и напился. Красина при этом явственно передернуло, его округлое лицо с массивной челюстью враз сравнялось цветом со свежей побелкой.

И я вновь уловил страх. Тягучий и мощный, рвущий нервы в такт ударам стучащих о борта лодки волн.

Емельян Никифорович панически боялся воды. Обычной озерной воды, холодной и чистой.

И это всерьез удивило. В страхах людей зачастую нет никакой логики, взять ту же агорафобию, но зачем отправляться на лодочную прогулку со столь расшатанной нервной системой?

— Боюсь, я оставил вас без ланча... — задумчиво пробормотал я, вытирая жирные пальцы носовым платком.

— Не беспокойтесь, — шумно выдохнул Красин, его стиснувшие весла пальцы побелели от напряжения, — пообедаем в ресторане.

В этот момент мы обогнули скалистый мыс, и взгляду открылась небольшая бухта, ровную гладь которой рассекали многочисленные прогулочные лодки. Кавалеры и наемные гребцы работали веслами, дамы сидели под солнечными зонтиками в безмятежной праздности. Вдоль берега протянулась длинная пристань, у дальнего ее края над озером нависала открытая веранда со столиками для тех, кто водной прогулке предпочел чашку ароматного кофе и сэндвич.

— Монтекалида! — вырвалось у меня. Бывать в этом курортном городке мне раньше не доводилось, но открывшийся вид был прекрасно знаком по почтовым открыткам. В детстве я любил рассматривать их, мечтая посетить все эти чудесные места.

— Ну да! — удивился Соколов, затыкая пробкой опустевшую бутылку. — Что-то не так? Вы будто не ожидали...

— Ничего, ничего, — поспешил я закрыть эту тему. — Все в порядке.

Посещать курортный городок, известный на весь мир своими горячими источниками, не входило в мои планы, но более удачного места для крушения было просто не сыскать: именно здесь проходила железная дорога, связавшая восточное и западное побережье Атлантиды. Если повезет, уже сегодня укачу в Новый Вавилон.

Ветер стих, волны перестали бить о борт и раскачивать лодку; Емельян Никифорович расслабился и будто бы даже уменьшился в размерах, став упитанным господином средних лет. Лишь в его движениях еще проскальзывала некая неуверенность, но это легко объяснялось необходимостью лавировать, дабы избежать столкновений с другими отдыхающими. Зачастую те выполняли крайне необдуманные, если не сказать бестолковые маневры прямо по нашему курсу.

Я встряхнул свой пиджак, за немалые деньги пошитый у одного из лучших парижских портных, и почувствовал, как от стыда начинают гореть уши. На фоне всеобщей благодати мой испорченный после пребывания в воде костюм смотрел-

ся найденными на помойке обносками, а сам я — невесть что позабывшим на этом празднике жизни бродягой.

И как сойти в таком виде на берег?

— Не волнуйтесь, Лев Борисович, — добродушно усмехнулся Емельян Никифорович, уловив охватившее меня замешательство, — я по давней привычке прихватил с собой плащ, оставил его на пристани. Жизнь в Петрограде приучает не доверять погоде, знаете ли.

— Будете выглядеть лучшим образом, ваша светлость, — поддержал товарища Соколов.

— Светлость?! — встrepенулся я, не сразу поняв извилистую логическую цепочку собеседника. — Ах да! Лев — Лев Толстой. Лев Толстой — граф. Граф — ваша светлость.

— Именно, — наставил на меня указательный палец изрядно захмелевший Соколов. — Вы делаете успехи, граф!

Ветер переменял направление и теперь дул от берега, до нас стали доноситься обрывки мелодии, которую играл расположившийся на пристани оркестр. Я прислушался и узнал ставший необычайно популярным в последнее время «Цветочный танец» Кейти Мосс.

Под плеск волн о причал лодка уткнулась в доски, и Соколов первым перепрыгнул на пристань. Я принял у него цепь, передал ее грузно поднываемому на ноги Емельяну Никифоровичу и тоже покинул лодку. Мне было чертовски неудобно находиться на всеобщем обозрении в рваном костюме, и все же я обратил внимание, с каким облегчением последовал за нами Красин. Нет, никаких ошибок — его совершенно точно страшила близость воды.

Но к чему тогда прогулка по озеру? Решительно не понимаю.

Емельян Никифорович зашагал напрямиком к кассам, мы двинулись следом. Соколов шел легкой походкой записного гуляки; я старался держаться позади него, напряженный, будто струна, в ожидании косых взглядов и ухмылок.

— Расслабьтесь, граф! — посоветовал Иван Прохорович. — Это же Монтекалида! Здесь если в луже лежит пьяница, еще неизвестно — бродяга это или модный поэт, а то и цельный драматург!

Я кивнул и постарался успокоиться.

Все верно: курортный городок как магнитом притягивал представителей богемы, особенно в летнюю жару, когда оставаться в задымленном Новом Вавилоне уже не было никаких сил. Впрочем, ехали на воды со всей империи и даже из колониальных штатов Нового Света. Альберт Брандт всегда говорил, что здесь — уникальная атмосфера...

Тут я привычно поморщился. Прошло больше года с тех пор, как мы виделись с поэтом последний раз, но всякий раз при воспоминании о нем душу начинала крутить ноющая тоска. У меня было не так много друзей, чтобы безболезненно пережить разрыв с любым из них. Если начистоту, у меня, наверное, и друзей-то больше не было, кроме Альберта.

Емельян Никифорович перекинулся парой слов с кассиром, и тот выдал ему длинный серый плащ. Я надел его и в целом остался доволен: пусть одеяние и оказалось слегка узковато в плечах, а ниже просторно болталось, но зато почтенная публика перестала одаривать меня то презрительно-удивленными, то удивленно-сочувственными взглядами.

— Коротковат, — отметил Соколов. — Вы, Лев Борисович, не граф, а просто король-пугало!

— Бросьте, Иван Прохорович, — одернул его Красин, доставая из кармана пачку папирос. — Отлично смотрится!

Но рукава и в самом деле были слегка коротковаты, запястья торчали из обшлагов, словно палки того самого пугала, с которым меня сравнил Соколов.

— Найдем извозчика? — предложил Емельян Никифорович, закулив.

— Бросьте свои барские замашки, господин рабовладелец, — отказался Соколов. — Идемте до электрической конки. Я знаю неплохой магазин готового платья здесь неподалеку. — И он обратился ко мне: — Или граф предпочтет обратиться к портному?

— Боюсь, костюм починить не получится, а я не могу позволить себе ждать, пока сошьют новый, — вздохнул я, решив до поры до времени не интересоваться обращением «рабовладелец».

Ивана Прохоровича отличала склонность к ассоциативному мышлению, изгибы его логики ставили меня в тупик. Как и он сам: не получалось определить его профессиональ-

ную принадлежность или хотя бы социальный статус. Но младшим компаньоном «господина рабовладельца» он не был совершенно точно. Слишком вольно держал себя с товарищем.

— В путь, господа! — позвал нас Соколов и по узенькой улочке зашагал прочь от лодочной пристани.

Навстречу нам спешили нарядные отдыхающие; покрасневший от натуги продавец в матросской шапочке прокатил подпрыгивавший на неровной брусчатке ящик с мороженым; рыскал от одного зеваки к другому разносчик газет. Жизнь в курортном городке была ключом.

Миновав два дома, мы вышли на широкий бульвар, в глаза сразу бросилась театральная тумба с яркой афишей. На фоне местного амфитеатра были изображены Карузо и Шаляпин. Подробности разобрать не успел: в конце улицы раздалось несколько отрывистых звонков, и сразу из-за поворота вывернул кативший по железным рельсам самоходный вагон.

— Не отстаем, господа! — ускорил шаг Соколов.

Красин глубоко затянулся и кинул окурок в урну; я придержал рукой развевающиеся полы плаща и поспешил вслед за спутниками.

Опоясывавшая город линия электрической конки, едва ли не самая старая в мире, считалась второй достопримечательностью Монтекалиды после термальных вод. Сине-белые вагоны были запечатлены на бесчисленном количестве почтовых открыток и марок. Появление столь странного для курортного места средства передвижения связывали с гидроэлектростанцией, выстроенной в горах самим Максвеллом, который провел здесь последние годы своей жизни.

Вагоновожатый сбросил скорость, конка остановилась, и ее покинули полтора десятка курортников. Мы без всякой спешки прошли в вагон, оплатили проезд кондуктору в форменной черной тужурке и фуражке с начищенным козырьком и заняли сидячие места.

Раздался звонкий щелчок, контактная сеть сверкнула электрическими искрами, и вагон тронулся с места. Нас легонько качнуло, а потом вагон набрал скорость и колеса размеренно застучали на стыках рельс.

Больше всего меня поразило полное отсутствие дыма. Горный воздух был невероятно прозрачным, дышалось им на удивление легко.

Вагон проехал мимо городского сада, на щит у ворот которого расклейщик прилаживал объявление о вечерней лекции на тему «Обитаемы ли планеты?». Солнце палило из всех своих солнечных сил, раскаляя брусчатку и прогревая горный воздух; к будке с газированной водой выстроилась целая очередь. От яркого света даже заслезились глаза. Я поморщился и отвернулся от окна, решив при первой же возможности купить темные очки. Без них — совсем никак...

— Выходим, — предупредил нас Соколов и прямо на ходу ловко спрыгнул с задней площадки на мостовую, словно и не выпил незадолго до этого бутылку крепленого вина.

Я соскочил следом и немного даже пробежался, дабы сохранить равновесие. Красин последовал за нами, и мы вошли в узенький переулок между двумя трехэтажными домами с мансардами, предназначенными для сдачи внаем отдыхающим. Над головами тянулись бельевые веревки, вяло трепыхались на ветру наволочки, полотенца и чулки.

Долго идти не пришлось, только повернули на соседнюю улицу и оказались на месте. Вывеска магазина готового платья обнаружилась на первом этаже углового особняка.

Обычная тихая улочка: выгоревшие на солнце навесы, кафе с пыльной витриной, рядом — цирюльня и ломбард с забранными решетками прорезями окон. Где-то неподалеку тявкнула собака, простучал за домами железными колесами вагон электрической конки. На перекрестке парнишка с газетами выкрикивал новости, привлекая внимание прохожих.

— А мы, граф, подождем вас там! — указал Соколов на уличные столики кафе напротив. — Неплохое местечко, — сообщил он нам. — Душевное.

— Да это же я тебе его показал! — возмутился Емельян Никифорович.

— Так и есть, — улыбнулся Иван Прохорович. — Но на магазин готового платья, друг мой, ты внимания не обратил, так?

Красин только фыркнул и полез за бумажником.

— Лев Борисович, ссудить вас деньгами? — предложил он.

— Благодарю, не стоит, — отказался я в надежде использовать просоющие ассигнации и снял плащ. — И за одежду тоже благодарю. Просто выручили.

— Пустое! — отмахнулся Емельян Никифорович, перекинул плащ через руку и зашагал к Соколову, уже занявшему столик на тротуаре.

— Газеты! Господа, покупайте газеты! — подошел к уличному кафе парнишка с пухлой сумкой. — Бои в Рио-де-Жанейро! Волнения в Индии! Очередная вылазка тугов — душителей Кали!

Емельян Никифорович купил свежий выпуск «Атлантического телеграфа», Соколов ничего брать не стал. Я тоже покачал головой и толкнул дверь магазина. Над головой звякнул колокольчик, и одутловатый приказчик поспешил выйти из-за прилавка в зал.

— Чем могу помочь? — заученно улыбнулся он, не обратив внимания на мой порванный костюм. Точнее, усиленно делая вид, будто не обращает внимания.

Я с отвращением оттянул и отпустил лацканы пиджака.

— Нужны костюм-тройка, нижнее белье и сорочка.

В лавке пахло шерстью и пылью, рядами висели костюмы, различавшиеся лишь цветом материи и размерами. Сама мысль о том, что после пошитой на заказ одежды придется вновь одеться в подобное убожество, вызвала изжогу.

Или просто еда в корзинке для пикника испортилась на жаре?

Приказчик смерил меня наметанным взглядом и достал сантиметр.

— Это будет непросто, — объявил он, снимая мерки, — но что-нибудь обязательно подберем.

Замерив рост, ширину плеч, длину ног и рук, он побродил между вешалок и вынес темно-серый костюм.

— Это совсем не то, что было у вас раньше, — сказал приказчик, словно извинялся за ассортимент магазина, — но костюм требуется срочно, правильно понимаю? Раз уж вы обратились к нам...

— Все верно, — подтвердил я.

— Тогда прошу в примерочную! И вот еще сорочка, а белье, увы, не держим...

В отгороженном ширмой закутке я выложил на полку нож, расческу, золотые запонки, звякнувший монетами бумажник и жестяную коробочку леденцов, избавился от старого костюма и переоделся. Сорочка оказалась впору, ее рукава доходили до костяшек больших пальцев, а вот пиджак хоть и сидел как влитой, но ощутимо давил в плечах. Требовалось сохранять определенную осторожность, дабы он не разошелся по швам. В брюки я продел собственный ремень, они оказались впору, их стоило лишь самую малость укоротить.

— Ну, что скажете? — с интересом повернулся ко мне приказчик.

— Пиджак узковат в плечах, — сообщил я.

— Увы, ничего более подходящего подобрать не получится, — развел руками продавец.

— И надо подшить брюки.

Приказчик отметил мелком нужную длину и указал на стул за ширмой.

— Можете подождать здесь.

Я отдал ему брюки и остался в новой сорочке, жилетке и кальсонах. В задней комнате немедленно застрекотала швейная машинка.

В одиночестве я пребывал недолго, вскоре продавец вернулся и откровенно замылся, не зная, с чего начать разговор.

— Это, конечно, не мое дело, но... — вымолвил он, сбился, махнул рукой и сходил за зеркалом. — Позвольте, просто покажу. Вот, смотрите сами...

Я повернул голову и едва удержался от проклятия, разглядев сожженные на затылке волосы. Сразу вспомнилось, как заглянул в охваченную пламенем рубку дирижабля. Даже кровь к щекам прилила из-за осознания того, что разгуливал в подобном виде по городу.

Стыд и срам!

И эти двое... Могли бы и предупредить!

Раздражение быстро улеглось; в конце концов, никто не нанимался мне в няньки. И рваный костюм был куда большей проблемой, нежели сожженные волосы.

Прическа, к слову, была испорчена безвозвратно — среди подпалин проглядывала голая кожа.

— Могу послать кого-нибудь за цирюльником, — услужливо предложил приказчик.

— Будьте добры, — не стал отказываться я.

Вскоре принесли подшитые брюки, и я оделся, но покидать магазин не стал — появляться на улице с опаленными волосами категорически не хотелось. Уж лучше дождусь цирюльника.

— Сколько с меня? — спросил я, раскрывая бумажник.

— Двадцать пять франков, — ответил приказчик, заглянув в учетную книгу.

Сумма вышла весьма немалая даже по столичным меркам, и я внутренне поморщился, но торговаться не стал и выложил на прилавок пару красных десятков с портретом Леонардо да Винчи и присовокупил к ним синюю купюру с Александром Вольтой. Тут пришла очередь приказчика морщиться: пусть банкноты и успели просохнуть, но вид имели весьма подозрительный.

Впрочем, принял их продавец без единого вопроса. Он еще убирал деньги в кассу, когда распахнулась дверь и к нам присоединился невысокий усатый цирюльник в белом переднике. В одной руке у него был кожаный саквояж, в другой — свернутая простыня.

— Кого стричь? — спросил мастер с явным континентальным акцентом, заметил меня и принялся выстреливать фразами как из пулемета: — А! Вы! И что у вас? Покажите. Повернитесь к свету. О! Да неужели? Вот это да! Вам очень повезло, моншер, огонь затронул лишь затылок. Но придется убирать опаленные волосы. Выходить в таком виде на улицу — моветон!

— Что вы предлагаете? — попытался я заткнуть фонтан его красноречия, но безуспешно.

— Садитесь! Садитесь! — потребовал коротышка и принялся ходить вокруг. — Поразительно! Еще и сбоку подпалина! Нет, виски в таком виде оставлять нельзя. Не получится, даже не просите. А вот сверху убирать ничего не надо. Не волнуйтесь, моншер, сделаю все в лучшем виде!

— Что сделаете? — с трудом вставил я в этот рваный монолог свой вопрос.

Цирюльник накинул на меня простыню, подоткнул за воротник и отступил на шаг назад.

— А какие варианты? — хмыкнул он, осматривая меня со стороны. — Вас спасет только андеркат. Очень модная стрижка... в определенных кругах.

Я беззвучно выругался. По работе в полиции мне частенько приходилось наблюдать на неблагополучных окраинах стриженных подобным образом молодых людей, и походить на одного из этих пронырливых типов не хотелось совершенно.

— По-другому никак? — спросил я в надежде на чудо.

Коротышка оправил пышные усы и вздохнул.

— Моншер, — обратился он ко мне будто к несмышленику ребенку, — у вас сожжена половина затылка и опален левый висок. Я могу просто подровнять волосы, но выглядеть результат будет просто похабно. Я ценю свой труд и уважаю клиентов, мне претит марать руки подобной халтурой. И не волнуйтесь, никто не собирается превращать вас в карикатурный шарж с последних страниц «Столичных известий», все будет... очень стильно. Вам понравится.

Я пожал плечами и разрешил:

— Приступайте.

Цирюльник кивнул и принялся за дело. Сначала он остриг затылок и виски, затем подровнял верх, зачесал волосы набок и увлажнил гелем.

— Вуаля! — передал он мне зеркало.

В зеркале отражался... не я. Ну, почти не я. И без того резкие черты лица с новой прической еще более заострились, и выглядел я, словно стригся подобным образом с юных лет. Головорез из неблагополучного района? Что ж, пусть будет так.

Опытный физиономист без всякого сомнения опознал бы во мне Леопольда Орсо, равно как и Льва Шатунова, но простого обывателя изменения вполне могли сбить с толку. И это было не так уж и плохо. Точнее, даже хорошо.

Я повертел головой из стороны в сторону и решил, что в определенной степени новая стрижка мне даже нравится. Теперь я буду выделяться из толпы даже без своего модного костюма. Как говорится, дешево и сердито.

Сердито? Да, вид у меня и в самом деле был определенно недобрый.

Цирюльник убрал простыню и несколько раз пшикнул одеколоном. Я поднялся со стула и встал у ростового зеркала, оглядел себя со стороны и кивнул. Неплохо.

— Ну как, моншер? — обратился ко мне цирюльник, убирая инструменты в саквояж.

— Лучшего и ожидать было нельзя, — признал я и в порыве неоправданного мотовства протянул ему последнюю пятифранковую банкноту. Теперь у меня в кошельке оставалась лишь мягая десятка да несколько монет. — Вы мне очень помогли.

Но только направился на выход, меня окликнул приказчик.

— Господин! — встрепнулся он. — Ваш старый костюм!

— Выкиньте! — распорядился я и вышел на улицу. Постоял на тротуаре, наслаждаясь легкими дуновениями ветерка, достал жестяную коробочку, сунул в рот обвалынный в сахарной пудре леденец.

Мои спасители сидели за уличным столиком кафе, я не стал подходить к ним и заглянул в ломбард с отгороженной железной решеткой витриной, где среди выставленных на продажу ювелирных украшений лежало несколько карманных пистолетов и револьверов. Оценив расценки на золотые безделушки, запонки я не стал даже предлагать и сразу расстегнул браслет хронометра.

— Сколько?

Хмурый оценщик принял часы и первым делом взвесил их, затем через вставленный в глазницу окуляр оглядел клеймо, открыл заднюю крышку, сразу защелкнул ее и безапелляционно объявил:

— Тридцать франков.

— Сколько?! — решил я, будто ослышался.

— Тридцать.

— Да как так?! Золотой корпус, золотой браслет! Чистого металла — сорок граммов! Даже если за полцены, как лом в заклад брать, шестьдесят — семьдесят франков выйдет!

Оценщик выложил хронометр на прилавок и повторил:

— Тридцать франков.

— Наручные часы! Хронометр! Календарь! Меньше пятидесяти и разговаривать не о чем! — возмутился я. — Да если не выкуплю, их за полторы сотни с руками оторвут!

Мужичок поковырял меж неровных зубов заточенной спичкой и усмехнулся:

— Можно подумать, ты их покупал. Тридцать франков.

«Покупал!» — хотел рявкнуть я, но сдержался. Высокий и крепкий, характерная стрижка, недорогой костюм. И бесцветные глаза никакой роли не играют, мало, что ли, среди сиятельных головорезов? Ясно и понятно, откуда у такого типа золотые часы.

И если этим утром я легко мог выручить за хронометр и сотни франков, то теперь мой потолок — жалкая тридцатка.

Проклятье! Я так на них рассчитывал! Покупал с мыслью иметь при себе золотой запас на самый крайний случай, а в результате мне просто смеются в лицо!

Вернув часы на запястье, я защелкнул застежку браслета и достал бумажник. Выудил из него двухфранковую монету и раздраженно припечатал к прилавку.

— Будьте любезны, — указал я на затесавшиеся среди ювелирных украшений очки с круглыми черными линзами, напоминающие окуляры слепцов.

— Держите.

Нацепив очки на нос, я подошел к окну и выглянул на улицу. Линзы оказались сильно затемнены, и яркий солнечный свет наконец перестал резать глаза.

— Беру! — решил я.

— Да, пожалуйста, — лязгнул в ответ скупщик кассой.

Я покинул ломбард и направился к своим новым знакомым. Иван Прохорович, к моему удивлению, вместо вина заказал кофе; перед ним стояли пустая чашка и блюдце с оставшимися от круассана крошками. Емельян Никифорович грузно развалился на стуле, уткнулся в газету и курил.

Соколов первым обратил внимание на мой претерпевший изменения внешний вид и расплылся в широкой улыбке.

— Оригинально! — развел он руками. — Я намеревался рекомендовать вам купить шляпу, но, вижу, вы решили проблему самым кардинальным образом. Практически разрубили гордиев узел! Ваше второе имя, случаем, не Александр?

— Перестань, — попросил его из-за газеты Емельян Никифорович. — Ты так совсем запутаешься в именах и запутаешь меня.

— Пообедаем? — предложил я, потянув воздух носом.

— Ну не здесь же! — охнул Соколов и поднялся из-за стола. — Емельян Никифорович, идемте!

— Сейчас, сейчас, — отозвался тот, вдавил папиросу в пельницу и принялся сворачивать газету.

— Да выкинь ты эту гадость! — посоветовал Иван Прохорович, погладив свою короткую шкиперскую бородку. — Что за манера портить себе аппетит чтением прессы?

— Мне интересно, что происходит в мире! — возмутился Емельян Никифорович. — Я же не читаю светскую хронику!

— И что нынче на первых полосах газет? Какие события?

— Все как обычно. — Красин нацепил на макушку канотье, а плащ накинул на согнутую в локте руку. — Война с ацтеками, стычки на Иудейском море, да еще бубонная чума и беспорядки в Индии. Полный набор.

— Не всех тугов еще переловили? — усмехнулся я. — Поразительно.

В последнее время душители Кали не сходили с первых страниц газет. Уничтоженная в прошлом веке англичанами секта почитателей богини смерти неожиданно для всех воспрянула из небытия, и фанатики-убийцы с удручающим постоянством отправляли на тот свет имперских чиновников, солдат колониальных войск и клерков Всеиндийской компании. А уж сколько было убито и закопано в неглубоких ритуальных могилах местных жителей, никто даже не считал.

Ивана Прохоровича мое замечание откровенно развеселило.

— Переловили? — всплеснул он руками. — О чем вы, граф? Если уж полковнику Слиману с его не ограниченными ни нормами права, ни рамками морали полномочиями не удалось выжечь заразу до конца, то что говорить о его нынешних коллегах? У них нет ни единого шанса!

— Ну, Индия и душители далеко! Где мы будем обедать, вот что меня сейчас интересует! — поспешил я отвлечь спутников от обсуждения последних новостей и перевести разговор на куда более актуальную для себя тему.

— Как где? В «Тереме», разумеется! — рассмеялся Иван Прохорович.

— В «Тереме»?

— Не слышали? Это русский ресторан, все наши там собираются.

— Как скажете.

Мы зашагали по улице, и Соколов не преминул вернуться к прежней теме.

— Емельян Никифорович, а вот ответьте: вся прогрессивная общественность по-прежнему требует дать индусам независимость? — не слишком-то вежливо толкнул он товарища в бок локтем.

— Не без этого, — подтвердил Красин.

— Ничего в этой жизни не понимаю! — покачал головой Иван Прохорович. — Ну что за люди такие? В последнюю войну поздравительные телеграммы императору Поднебесной отправляли, теперь за душителей вступаются. Как так можно?

— В первую очередь, они ратуют за объективность. Призывают не повторять ошибок прошлого и не грести под одну гребенку, — рассудительно отметил Емельян Никифорович. — Если человек индус, он не обязательно душитель. Презумпция невиновности...

— Брось! — отмахнулся Соколов. — Индусы как тараканы. Они повсюду! Да еще умудряются своей мистической ерундой пудрить мозги цивилизованным людям. Теперь уже и англичане среди почитателей Кали попадают! Англичане, французы и голландцы! Можете себе представить?

Я мог, но не хотел. Хотел есть. Поэтому огляделся по сторонам и озадаченно спросил:

— Как вы здесь только ориентируетесь?

— Бросьте, граф! Заблудиться в этом городе невозможно! — уверил меня Соколов. — Он весь окружен линией электрической конки и нарезан на районы радиальными бульварами, словно неаполитанский круглый пирог...

— Пицца, — подсказал Красин.

У меня заурчало в животе.

— Именно пицца! Все радиальные дороги ведут к площади Максвелла, — подтвердил Иван Прохорович и махнул рукой. — Она там. Не промахнетесь.

Я посмотрел в указанном направлении и обратил внимание на висевший над городом дирижабль.

— Кто-то на воды прилетел? — пошутил я, озадаченно потирая свежесвыбранный затылок.

— Что? — проследил за моим взглядом Соколов. — Нет, это какой-то нувориш из Нового Света взялся финансировать реконструкцию амфитеатра. На днях состоится открытие, поэтому цены на проживание растут как на дрожжах!

Меня это известие оставило равнодушным, поскольку задерживаться в городе я не собирался. Пообедаю, дабы хоть немного унять резь в животе, и отправлюсь напрямиком на вокзал.

— Не нувориш, а миллионер и меценат, — укорил товарища Емельян Никифорович. — Уж поверь, перестройка амфитеатра влетела ему в копеечку!

— Нет, это ты мне поверь! — вспыхнул Соколов. — Отобьет свое на рекламе с лихвой! Подобная публика в убыток себе ничего не сделает. Капиталисты...

— Давай не будем ссориться, — мрачно глянул в ответ Красин. — К тому же мы уже пришли.

И в самом деле: на фасаде двухэтажного особняка красовалась яркая вывеска: «Терем». Перед высоким гранитным крыльцом дожидались клиентов сразу несколько открытых колясок, а на входе гостей встречал слуга в синей поддевке, жилете и заправленных в начищенные ваксой сапоги штанах.

Моих спутников слуга знал и поспешно распахнул перед нами дверь. Емельян Никифорович задержался сунуть ему в руку мелкую монету.

Внутри оказалось шумно. Просторный зал с пальмами в кадках вдоль стен и огромной люстрой под потолком был наполнен гомоном голосов; играла музыка, кто-то пытался декламировать стихи. На глаза попало несколько свободных столов, но Иван Прохорович повел нас на второй этаж. Там было не так многолюдно.

— Франция — это просто какой-то кошмар, господа! — объявил собутыльникам статный молодой человек с пышной шевелюрой выющихся волос. — Грязь! Физическая и, что еще страшнее, духовная!

Мы прошли мимо к свободному столу, и тогда Соколов небрежно бросил:

— Шлак!

Я обернулся и присмотрелся к столь нелицеприятно охарактеризованному им господину.

— От слова «шлакоблок», надеюсь? — спросил после у Ивана Прохоровича. — Не в плане оценки творчества?

Мои спутники рассмеялись.

— А вам, граф, палец в рот не клади! — покачал головой Соколов. — На ходу подметки режете!

Подошел официант, принес меню на русском.

— Чего изволите-с? — поинтересовался он.

За последний год я изрядно подтянул свое знание языка, поэтому в написанных кириллицей названиях не путался. Заказал тарелку ухи, черный чай и большую сковороду жареной картошки. Мог бы умять за один присест и целого поросенка в яблоках, помешала развернуться ограниченность в средствах.

Соколов остановил свой выбор на сибирских пельменях и соленьях, к ним велел принести графин водки.

— Только холодной, — предупредил он. — Не как в прошлый раз. Пить невозможно было.

— Возьмем с ледника-с, — уверил его халдей.

Красин, тяжело отдуваясь, вытер платком покрасневшее лицо и ткнул пухлым пальцем в строчку с супом-пюре.

— Соленый арбуз и хлебную корзинку? — уточнил официант.

— Неси, — махнул рукой Емельян Никифорович и повернулся ко мне: — Лев Борисович, не просветите нас, чем зарабатываете на жизнь? Не сочтите за назойливость, просто это самый верный способ завязать разговор.

— Я не зарабатываю, я трачу, — нейтрально улыбнулся я. — Трачу матушкино наследство, путешествую по миру, смотрю новые страны, знакомлюсь с людьми...

— Это дело, — одобрительно кивнул Соколов. — А вот нам с Емельяном Никифоровичем приходится в поте лица на хлеб насущный зарабатывать.

— В поте лица — это про меня, — возразил Красин. — Вы же, Иван Прохорович, как попрыгунья-стрекоза, с места на место перелетаете.

— Ну, потею точно меньше вашего, — огладил русую бородку Соколов. — А что бегать приходится — так работа такая. Нашего брата ноги кормят. — Он повернулся ко мне и официальным тоном объявил: — Соколов Иван Прохорович, специальный корреспондент ряда ведущих российских газет и журналов. Помимо этого, публикую фельетоны под псевдонимом Голый Король.

— Гол как сокол? Это от фамилии? — догадался я и потер подбородок. — Вот насчет короля не уверен. Что-то от Ивана к Цезарю?

— Два сапога пара, — фыркнул Емельян Никифорович. — Вам друг с другом точно скучно не будет.

— И какими судьбами здесь? — вежливо поинтересовался я. — Поправляете здоровье?

— Если бы! — горестно вздохнул Соколов. — На службе! — Он снял пробку с принесенного графина, налил себе стопку водки, потом зачем-то плеснул немного в чайное блюдечко и поинтересовался: — Лев Борисович, по маленькой?

— Пожалуй, воздержусь, — отказался я, с нескрываемым удивлением наблюдая за манипуляциями Красина, который положил в блюдце с водкой ломоть белого хлеба. — Жарко сегодня.

— Тут всегда жарко, — уверил меня Иван Прохорович. — Жарко, и не протолкнуться от известных личностей. А уж на открытие амфитеатра и вовсе весь бомонд собрался. Ожидается даже ее императорское высочество, слышали?

— Нет, — ответил я, нервно вздрогнув. Пересекаться со своей венценосной родственницей и тем паче ее окружением не хотелось абсолютно.

Обедаю — и сразу на вокзал. Без промедления.

Только вот не станут ли меня ждать именно там? Или даже не меня, а погибшего стюарда? Ведь он, без сомнения, намеренно выгадал время поджога, чтобы после прыжка с парашютом приземлиться в окрестностях Монтекалиды и укатить отсюда по железной дороге. Могут его встречать, могут.

Я погрузился в напряженные раздумья и едва не пропустил рассказ Соколова о причинах его пребывания в курортном городе.

— И вот меня посылают сюда светским обозревателем, — объявил Иван Прохорович, — а суточных выделяют — с гулькин нос. Не поверите, скоро начну милостыней побираться.

— Вашему брату к этому не привыкать, — сварливо отметил Емельян Никифорович, переворачивая хлеб. — Многие так и вовсе нормальным полагают сначала в газете человека грязью облить, а потом у него же на водку целковый занять.

На виске Соколова задержалась жилка, но он сдержался.

— У кого занимать-то? — криво ухмыльнулся репортер. — Творческий люд вечно без копейки сидит, это вам лучше меня известно.

— Известно, — подтвердил Красин и повернулся ко мне: — Лев Борисович, я в некотором роде литературный скаут.

— Рабовладелец, — вставил Соколов. — Писателей да поэтов поглавно и построчно скупает и перепродает. Проиграется бедолага в карты, а тут — Емельян Никифорович с людоедским предложением. Ну как ему отказать?

— Не преувеличивайте, — отмахнулся Красин, взял вымоченный в водке ломоть, разломил надвое и отправил в рот. — Ваше здоровье...

— Ваше! — Иван Прохорович отсалютовал ему стопкой и выпил водку.

Я отпил чая.

— Лев Борисович, вижу немой вопрос в ваших глазах, — усмехнулся Емельян Никифорович. — Я, видите ли, в некотором роде боюсь воды.

— Бешеный, — беззвучно рассмеялся Соколов, намекая на второе название бешенства — «водобоязнь».

— Совсем не пьете? — уточнил я.

— Совсем, — кивнул Красин, подцепил на вилку соленый груздь и отправил его в рот. Пожал плечами и принялся аккуратно нарезать на кусочки арбуз. — Привык уже, — спокойно произнес он после недолгого молчания. — Ем супы, восполняя недостаток влаги фруктами. Арбузы вот почти полно-

стью из воды состоят. Но это — на закуску, а пару ломтей свежего съел — и хорошо.

Я не стал интересоваться обстоятельствами, приведшими к столь необычному выверту психики, спросил о другом:

— Но, Емельян Никифорович, что же тогда вы делали на озере?

Красин мрачно глянул на Соколова. Тот рассмеялся.

— Клин клином, граф! Клин клином! Это же элементарно! — объявил он. — Право слово, я был уверен, что прогулка по озеру легко избавит нашего дорогого Емельяна Никифоровича от его столь неудобной фобии. Вы даже не представляете, сколько усилий ушло, чтобы завлечь его на лодочную станцию!

— Карточный долг — это святое, — произнес Емельян Никифорович, с мрачной миной отправил в рот вторую часть пропитанного водкой ломтя и махнул рукой. — Наливай!

Я быстро расправился с ухой и отпил чая. Голод отступил, но лишь немного, поэтому, когда принесли жареную картошку, я постелил на колени салфетку и принялся набивать живот, абсолютно не интересуясь, насколько благовоспитанно это смотрится со стороны.

Бренчавшая уже какое-то время на первом этаже балалайка смолкла, заиграл оркестр. Отправлявший в себя рюмку за рюмкой Соколов быстро хмелел. Красин со своим смоченным в водке хлебом от него не отставал и, когда в очередной раз начали исполнять «Маруся отравилась», вдавил окуроч папиросы в блюдце и решительно поднялся из-за стола.

— Закажу нашу, купеческую, — объявил он и зашагал к лестнице.

Я посмотрел на часы и поднялся следом, доставая бумажник.

— Пожалуй, мне пора.

На улице уже порядком стемнело, в ресторане включили главную люстру, но на втором этаже табачный дым продолжал плавать в легком полумраке, сюда свет особо не доставал.

— Стойте, граф! Стойте! — всполошился Соколов, который уже отчаялся всучить мне рюмку водки. — Сейчас вер-

нется Емельян Никифорович, и мы покажем вам удивительное место, просто потрясающее!

— Не стоит, — отказался я и выложил на стол последнюю десятку.

Но уйти не успел. Внизу затагнули: «Эх, полным-полна моя коробочка», и вернулся Емельян Никифорович.

— Собираетесь? — спросил он и кивнул: — Да и мы пойдем, пожалуй.

Мы расплатились и покинули ресторан. Новые знакомые намеревались продолжить вечер в одном чудесном, просто замечательном, как хором уверяли они, игорном заведении неподалеку, мне же идти куда не хотелось. Голод отступил, вернулась ясность мысли. Я вдруг понял, что ничего толком не знаю о своих спутниках, а кутить всю ночь напролет со случайными людьми — занятие не самое благоразумное.

Всюду зажигали газовые фонари, но, когда мы свернули с боковой улочки на один из «радиальных» бульваров, тот оказался погружен в темноту, лишь ближе к площади разливалось меж домами сияние электрических ламп. Газовое освещение меняли на электрическое, старые светильники уже скрутили, а на их место повесили новые и даже протянули провода, но напряжение подать не успели. К одному из столбов была приставлена лестница, забравшийся на нее рабочий крепил под плафоном тарелку громкоговорителя. На дороге стояла самоходная коляска с открытым кузовом, где лежали инструменты, запасные динамики и скрученные газовые фонари; рядом курил шофер.

Мы дошли до освещенного тротуара, и там я окончательно решил, что не хочу ни в какой игорный дом. Следовало добраться до вокзала и справиться насчет билетов до Нового Вавилона, а не коротать ночь за игрой в карты.

Мне лишь требовался благовидный предлог ретироваться, и я получил его, когда мы проходили мимо варьете «Три лилии». Поначалу взгляд зацепился за броскую афишу с овалом белой физиономии мима и надписью: «Невероятный Орlando», но она недолго занимала меня. Куда интересней показался рисунок девушки в экзотическом полупрозрачном одеянии, в тюрбане и с закрытым восточным платком ли-

цом, которую художник изобразил с немалых размеров удавом. На плакате с другой стороны входа мелькали задранные ноги, пышные юбки и цветастые наряды танцовщиц кордебалета.

— Господа! — остановился я. — Премного благодарен за спасение, но вынужден вас оставить. Честно признаюсь, не слишком уважаю карточные игры, лучше полюбуюсь на красоток.

Мои спутники переглянулись.

— Эх, молодость! — протянул Емельян Никифорович, доставая пачку папирос.

— Одни девицы на уме, — поддакнул ему Иван Прохорович.

Но ни отговаривать меня, ни менять свои планы товарищи не стали.

— Лев Борисович, не передумаете? — лишь обернулся Соколов, когда я поднялся на крыльцо и остановился в надежде, что не придется даже заходить внутрь.

Я помахал на прощанье рукой и открыл тугую дверь. В коридоре царил полумрак, через перегородившую проход занавесь доносилась быстрая зажигательная мелодия.

— Вход пять франков! — объявил крепкого сложения швейцар с черной бородой до середины груди.

— Сколько? — опешил я. — С какой стати такие расценки, любезный?!

— Сегодня выступает Черная Лилия, — пояснил мужик. — Экзотическая и таинственная танцовщица со змеями, жрица Кали. Слышал о такой?

— Нет, — сознался я, но бумажник все же достал. Что-то в рисунке не дало развернуться и уйти, непонятно откуда возникло желание увидеть танец вживую. К тому же мои новые знакомые после сытной трапезы шагали очень уж неторопливо, еще не хватало столкнуться с ними на улице.

Пришлось достать из бумажника пять франков и вручить их швейцару.

— Милости просим, — ощерился тот неровной из-за сколотых и выбитых зубов улыбкой.

Наверняка был здесь еще и за вышибалу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i> , или Дирижабль и немного огня	5
<i>Глава первая</i> , или Танец со змеями и немного отравы	10
<i>Глава вторая</i> , или Старые друзья и немного загадок	45
<i>Глава третья</i> , или Немного смерти, немного любви	102
<i>Глава четвертая</i> , или Спиритический сеанс и немного мистики	186
<i>Глава пятая</i> , или Амфитеатр и немного улик	241
<i>Глава шестая</i> , или Долгожданные ответы и немного тьмы	295
<i>Глава седьмая</i> , или Железная клетка и слишком много силы	324